

М. В. Сапронов

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕ XVII в.: ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

(к вопросу об альтернативах петровским преобразованиям)

M. V. Sapronov

RUSSIAN STATE IN THE END OF XVII CENTURY: EVOLUTION OR REVOLUTION?

(to the question about alternatives of the reforms of Peter the Great)

Анализируется историографическая ситуация вокруг вопроса о возможности ненасильственной альтернативы радикальным реформам Петра I. Вероятность такого исхода событий рассматривалась ещё в XVIII в. Однако в XIX в. господствующим становится тезис о необходимости насильственных реформ как единственного для России способа не превратиться в страну второго сорта. Этот тезис в советское время приобрёл статус безусловной объяснительной модели «петровской революции». В последнее время в связи с ростом интереса к исторической альтернативистике вопрос о возможности эволюционного развития России на рубеже XVII—XVIII вв. вновь стал актуальным. Наиболее продуктивным вариантом дальнейшего изучения данной проблемы автор считает всестороннее исследование состояния России во всех сферах накануне петровских преобразований.

Ключевые слова: историография, реформы Петра Великого, историческая альтернативистика, Россия в конце XVII в.

This article analyze the situation around historiographical problems of probability of nonviolent alternatives radical reforms Peter I. Explanatory model, that rejects the soft versions of “Revolution of the Peter the Great”, was formed by the XIX century, and in the XX century became the dominant model. The possibility of an evolutionary development of Russia at the turn of XVII—XVIII centuries once again became relevant because of the development of historical alternativism in the late XX century. The author considers a comprehensive study state of Russian state ahead of the reforms of the Peter the Great as the most productive area analysis of this problem.

Keywords: historiography, the reforms of Peter the Great, historical alternativism, Russia in late XVII century.

Мы, историки, иногда странно пишем историю. Мы умны задним числом. Обнаруживая *необходимость*, мы отождествляем ее с *неизбежностью*. Мы видим осуществленные возможности и склонны забывать о возможностях несбывшихся... Мы пренебрегаем «субъективными» факторами, мы недооцениваем роль случая, мы легко расправляемся с тем, что «отброшено историей»... Беда в том, что нам известны *результаты*.

Л. М. Баткин [3, с. 279]

Последнее десятилетие характеризуется наплывом околонучной, публицистической литературы на историческую тематику, общим подзаголовком которой может служить фраза «вся правда о...». Как правило, авторы данных опусов стремятся развенчать уже давно сложившиеся стереотипы восприятия наиболее значимых периодов российской истории. При этом под «всей правдой» зачастую понимается скрытая от обывателя некими враждебными силами подлинная — очень неприглядная, мерзкая и гряз-

ная — сущность произошедшего. Одним из самых востребованных для препарирования современными «правдуробами» сюжетов является реформаторская деятельность Петра I. Типичным примером может служить книга А. А. Мартыненко с говорящим само за себя названием «Зверь на престоле, или Правда о царстве Петра Великого», в которой автор не просто критикует реформы царя-преобразователя, а с какой-то садистской изощренностью в пух и прах развенчивает все его деяния, видя в оных некий сатанинско-масонский подтекст [27]. Еще один пример «исторической правды» — заполонившие стеллажи книжных магазинов произведения А. М. Буровского, среди которых есть и посвященное Петру I (оно издано в рамках серии «Когда врут школьные учебники») [10]. И, опять-таки, названия — и самого опуса и отдельных его глав — не оставляют сомнений по поводу их содержания: «Петр Первый — проклятый император», «Антихрист на престоле», «Жертвы Антихриста»... Однако, не содержание данных «бестселлеров» станет

предметом наших размышлений. Критика деяний Петра Великого началась не сегодня и не вчера. Эмоционально окрашенный негатив Мартыненко, Буровского и других по поводу реформ Петра побудил автора данных строк обратиться к давно волновавшему его вопросу об альтернативных вариантах развития России в конце XVII — начале XVIII в.

Революция (или «крутой переворот») — именно так многие исследователи определяют формат петровских преобразований первой четверти XVIII в. Еще В. О. Ключевский пояснял, что эпоха Петра I «была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и по впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников» [23, Т. 4, с. 202]. И если по поводу масштабности результатов с великим историком можно поспорить (они были не менее грандиозными), то со второй частью цитаты трудно не согласиться. Действительно, методы и средства, коими первый российский император «Россию поднял на дыбы» впечатлили уже современников Петра: они видели в них много неестественного и, значит, вредного как для страны, так и для народа. Во второй половине XVIII и в следующем — XIX столетии — вопрос об оправданности ураганного характера преобразований стал обязательным предметом любых рассуждений о петровской эпохе.

Непрекращающаяся с тех пор полемика особенно обострялась в переломные периоды нашей истории. А. М. Панченко на пороге «лихих 90-ых» в конце XX в., повторяя мысль Ключевского конца XIX столетия («реформа Петра стала камнем, на котором оттачивалась русская историческая мысль» [23, Т. 4, с. 186]), констатировал, что «Петр сейчас снова, в который уже раз, стал жгучей проблемой. Он вообще — оселок русской мысли. Есть и всегда будут и апологеты Петра, и его присяжные отрицатели. Он либо антихрист, либо кумир» [44, 437]. Словно в подтверждение этих слов в 2003 г. был опубликован своего рода дайджест мнений о Петре объемом более тысячи страниц, в котором представлен весь спектр оценок его преобразовательной деятельности [45]. Какой из цветов этого спектра является «модным трендом» сегодня — в начале второго десятилетия XXI в. — об этом можно судить по книгам, упомянутым в начале статьи.

В связи с описанной историографической ситуацией «в который уже раз» возникает вполне оправданный, далеко не новый, но до сих пор актуальный и «жгучий» вопрос: «А существовала ли и насколько была реальной альтернатива «петровской революции» в форме ее антипода — эволюционного развития Русского государства в конце XVII — начале XVIII в.?» Попытка выявить мнения гуманистически по данному вопросу и составляет предмет данной статьи.

Актуальность означенной задачи определяется не только историографической «извечностью» петровской тематики как таковой, но и — как принято выражаться — текущим моментом. Очень интересна в связи с этим мысль А. А. Кара-Мурзы о том, что «за внешней формой спора о Петре скрывается спор о самом русском народе и его судьбе. Если народ — варвар, то методы Петра оправданы; если

перед нами, напротив, — не понятая Петром цивилизация, то варваром автоматически оказывается он сам» [20, с. 869].

Ко всему этому добавляется и болезненно неоднозначный для нас, историков, момент: решение властей о разработке единого учебника и «какой-то канонической версии нашей истории» [35]. Как будет выглядеть, например, «каноническая версия» событий конца XVII — начала XVIII вв. в истории Русской государственности? И возможна ли она в принципе? Однозначных ответов на эти вопросы нет и, наверное, не будет. Но в наших силах предоставить читающей публике материал для размышлений в виде историографического обзора суждений по заявленному предмету.

Парадоксально, но вопрос об альтернативных петровскому вариантах развития страны на рубеже XVII и XVIII веков никто всерьез — на уровне научно-исторического анализа — до недавнего времени не рассматривал. Хотя подобная идея, что называется, витала в воздухе уже со времен самого Петра. Именно реформатор впервые поднял данную тему в разговорах со своим окружением: зная, что его обвиняют в «безмерной лютости», «почитают строгим государем и тираном», повелевающим «рабами, как невольниками», он отвечал, что «аглинская вольность здесь не у места, как к стенке горох. Надлежит знать народ, как оным управлять» [34, с. 604]. И пояснял, но уже в именном указе «О заведении в России фабрик...» (1723), что «наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что ясно из всех нынешних дел: не все ли неволею сделано...» [47, с. 150 (№ 4345)].

Н. И. Костомаров приводит еще более жесткую аргументацию Петра в оправдание выбранных им методов реформирования страны: «С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми способами, а с русскими не так: если б я не употреблял строгости, то бы уже давно не владел Русским государством и никогда не сделал бы его таковым, каково оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей» [26, с. 633]. Схожая характеристика подданных встречается и у лично общавшегося с Петром датского посланника Юста Юля («ему-де приходится обращать скотов в людей (скотами Царь называет природных своих подданных)») [58, с. 210].

Таким образом, давая ответ не только современникам, но и потомкам, Петр Великий считал, что в условиях России проводить серьезные преобразования можно только радикальными насильственными методами ввиду неспособности ее населения к органическому восприятию оных.

С середине XVIII в. впервые начинают звучать суждения о возможности для России ненасильственного (читай: эволюционного) варианта приобщения к европейской культуре. Задел был положен французскими философами-просветителями (см. основательную работу на эту тему С. А. Мезина [28]). В целом положительно оценивая деяния Петра I (нелестно при этом отзываясь об отдельных

чертах его характера и преувеличивая степень «варварства» русского народа), некоторые из них обращали внимание на недостаточность оснований для применения им насилия. Так, например, Ш. Л. Монтескье в самой известной своей работе «О духе законов» писал о России: «Легкость и быстрота, с которыми этот народ приобщился к цивилизации, неопровержимо доказали, что его государь был о нем слишком дурного мнения, и что народы вовсе не были скотами, как он отзывался о них. Насильственные средства, которые он употреблял, были бесполезны: он мог бы достигнуть своей цели и кротостью» [31, с. 265].

Особняком стоит мнение Ж.-Ж. Руссо, который язвительно замечал, что «цивилизующие» реформы Петра вообще были преждевременными для России, поскольку ее население «еще не созрело для уставов гражданского общества». Поэтому вместо того, чтобы «сразу [т. е. насильственным путем. — М. С.] просветить и благоустроить свой народ», его «надо было еще приучать к трудностям этого», т. е. действовать постепенно [50, с. 183].

Русофобия Руссо не нашла (и не могла в тех условиях найти) последователей в России, а вот более «мягкая» критика Петра со стороны Монтескье не осталась незамеченной. Так, Екатерина II использовала его идеи в своем «Наказе» для обоснования того, что «Россия есть Европейская держава» [15, с. 72—73] со всеми вытекающими последствиями, а именно, «что для нее действительны все те политические законы и соответствия, которыми, как следовало из книги Ш. Л. Монтескье, руководствуется история европейского, цивилизованного мира. Что ее юридический быт и «расположение» народа вполне могут основываться на праве, а не на произволе; что ее «география» отнюдь не делает исторически необходимыми «действительно имевшие место» явления политической тирании или азиатского деспотизма» [42, с. 362].

Вообще, отношение Екатерины II к своему предшественнику в стане российских реформаторов весьма примечательно. С одной стороны, она признавала его величие и заслуги и рассматривала свое правление как прямое продолжение петровских преобразований. Более того, любая открытая критика Петра фактически была запрещена. Например, Н. В. Середва предположила, что одна из главных причин запрета публикации в России «Записок» У. Кокса («сочинение Кокса знала вся цивилизованная Европа, это было самое цитируемое и самое объемное сочинение иностранца о России при Екатерине II») «заключается в общем негативном отношении Кокса к русской действительности, в его неуважительном отношении к Петру I и к результатам его преобразований», в суждении, что «цивилизация многочисленной, разбросанной на огромной территории нации, — длительный процесс, который может быть успешным только благодаря последовательному, постепенному прогрессу» [51, с. 327—328].

С другой стороны, Екатерина всячески стремилась противопоставить стиль своего правления петровским методам европеизации России. В представлениях большинства современников и многих

историков XIX в. она воспринималась как великая продолжательница дела Петра, но только иными — «кроткими и спокойными» — методами. И пусть А. С. Пушкин называл ее «Тартюфом в юбке», а Ключевский образно замечал, что «при Екатерине II когти правительства оставались те же волчьи когти, но они стали гладить... тыльной стороной» [22, с. 105], для многих она «очистила самодержавие от примесей тиранства» [19, с. 41] и «как законодательница, ...начертала мудрые и справедливые законы, очистив наше древнее уложение от всего устарелого... Она кротко и спокойно закончила то, что Петр Великий принужден был учреждать насильственно» [48, с. 477].

Таким образом, правление Екатерины II может рассматриваться — при всей натянутости этого предположения — как практическое воплощение эволюционной альтернативы петровской «революции». В этом была уверена, например, ближайшая сподвижница императрицы княгиня Е. Р. Дашкова. В своих мемуарах она описывает беседу с австрийским министром Кауницем, в которой весьма смело выражает уверенность в том, что Россия и без Петра (или не будь реформатор таким взбалмошным и необузданным) постепенно приобщилась бы к европейской цивилизации: «Если бы он обладал умом великого законодателя, он по примеру других народов предоставил бы промышленным силам, правильной реформе время постепенно привести нас к тем улучшениям, которые он вызвал насильем» [14, с. 172—173]. И далее приводит пример: «Одно из его произведений, стоившее, правда, необыкновенных усилий и расходов, достойно было бы славы своего творца... — я говорю об адмиралтействе и морской верфи на берегах Невы; но никакие труды не могли сделать эту реку судоходной для военных и даже купеческих кораблей с самым умеренным грузом. При Екатерине II, заметила я, Петербург процвел в четверо больше, как по красоте так и обширности общественных зданий, царских дворцов, и постройка их не стоила нам ни усиленных налогов, ни чрезвычайных мер, никакого стеснения» [14, с. 173—174].

Но таких, кто мыслил как Дашкова, было немного. Примерно в то же время (70—80-е гг. XVIII в.) князь М. М. Щербатов, заочно парируя реплику княгини, вопрошал: «возможно ли было льстить себя, яко некоторые ныне мудрствуют, чтоб Россия хотя не столь скоро, однако бы не весьма поздно и не претерпев ущерба, если бы Петр Великий и не употребил самовластия, могла достигнуть не токмо до такого состояния, в каком ныне ее зрим, но и в вящеее добротой». И сам же отвечал, что «подлежало многим векам протечь прежде, нежели бы Россия могла отвергнуть свои предубеждения, получить надлежащее в военных делах устройство, просветиться науками и установить торговлю, да и то при таких обстоятельствах, ест ли бы государи всегда тому способствовали, и соседи бы ее не воспрещали ее возвеличению» [57, с. 120]. Нелишне напомнить, между прочим, что Щербатов был одним из первых, кто начал высказывать критические замечания в адрес петровской реформы, «и в ее широком и насильственном размахе видел корень нравственной

порчи русского общества» [23, Т. 4, с. 192]. И, тем не менее, он оправдывал этот «насильственный размах»: «Но сим не охуляю я Петра Великого в его самовластии: ибо может ли кто ныне [из] государей в Европе иметь такие обстоятельства, какие имел сей монарх?» [57, с. 129].

Под обстоятельствами Щербатов имел ввиду как свойственную тому времени грубость и жестокость нравов в целом, так и конкретные эпизоды из юности и молодости Петра (стрелецкие бунты, козни царевны Софьи, влияние иностранцев), причудливое переплетение которых сказалось на его характере и вызвало к жизни те «самовластные» методы, которыми он преобразовывал Россию. Тем самым историк обратил внимание на роль случайности и личностного фактора в протекании петровских реформ (а случайности — заметим вскользь — является одним из оснований для выстраивания исторических альтернатив).

Во времена Щербатова зарождается не только критика петровских преобразований, но и «ставшая уже банальной для историографии мысль о том, что петровские реформы были подготовлены всем предшествующим развитием страны и независимо от Петра радикальная реформа все равно осуществилась бы, хотя, видимо, медленно, постепенно» [18, с. 82]. Г. Ф. Миллер, чьим учеником себя называл Щербатов, анализируя царствование Федора Алексеевича, считал, что «на историю Феодора можно смотреть как на переходности от великих деяний царя Алексея Михайловича к преобразованиям, совершенным Петром Великим... История должна справедливо судить о всяком государе и с благодарностию заметить, сколь многое уже было приготовлено отцом и братом Петра Великого» [29, с. 320]. Чуть позже Н.М. Карамзин, размышляя о процессах европеизации России при первых Романовых, замечал: «Сие изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия. Мы заимствовали, но как бы нехотя, применяя все к нашему и новое соединяя со старым» [19, с. 31]. В. О. Ключевский, подытоживая взгляды дореволюционной историографии, констатировал, что «в том и состоит значение московских государственных людей XVII в.: они не только создали атмосферу, в которой вырос и которой дышал преобразователь, но и начертали программу его деятельности, в некоторых отношениях шедшую даже дальше того, что он сделал» [23, Т. 3, с. 342]. Но «новизна» слишком медленно пробивала себе путь в рамках традиционализма средневековой Руси, а это грозило последней серьезными бедами.

Примерно в таком русле — решительно отвергая любые «непетровские» варианты европеизации страны — рассуждало большинство историков и публицистов конца XVIII — XIX вв. (И. И. Голиков, А. В. Никитенко, П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, М. П. Погодин, Я. К. Грот, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др.). Так, например, А. В. Никитенко вопрошал: «Но могут спросить: не надлежало ли нам идти медленнее по новому пути? Нет, Мм. Гг! Это значило бы отваживать будущее государство нового порядка вещей и самую будущность государства на неверное покровительство удачи и

случая. Сия-то быстрота, как и всеобщность преобразования, есть одна из величайших заслуг гения нашей новой истории» [40, с. 158]. Ему вторил М. П. Погодин: «Итак, вопрос наш о преобразовании или принятии западного элемента получает теперь совсем иную форму, вот какую: могло ли необходимое столкновение, сближение России с Европой, произойти иначе? Нельзя ли было взять в руки этот меч, обоюдоострый, осторожнее, ловчее, искуснее Петра Великого? ... Кто скажет: можно? Не знаю! По крайней мере, не я... Пусть объяснят мне, какое национальное преобразование, какое органическое развитие можно вообразить в данных ему обстоятельствах!» [46, с. 259—260].

Наиболее четко и безапелляционно позицию сторонников революционных методов реформирования аргументировал В. Г. Белинский: «Петру некогда было медлить, ибо дело шло уже и не о будущем величии России, а о спасении ее в настоящем. Петр явился вовремя: опоздай он на четверть века, и тогда — *спасай, или спасайся, кто может!*.. Правда, и без реформы Петра Россия, может быть, сблизилась бы с Европою и приняла бы ее цивилизацию, но точно так же, как Индия с Англиею» [4, с. 202—203]. Эти слова литературного критика для большинства историков, философов и публицистов стали своего рода оберегом от попыток отыскать какие-либо иные — не радикальные «а ля Петр I» — пути развития страны в конце XVII — начале XVIII в. «Необходимость, неизбежность коренной реформы русского быта, — повторял мысль Белинского Я. К. Грот, — истекала из самых его условий; государство не могло оставаться в прежнем положении, должно было или сделаться жертвою сильных соседей, или выйти на новый путь развития» [12, с. 283].

Таким образом, петровская историография (в попытках объяснить необходимость именно революционных методов преобразований) от расплывчатых формулировок XVIII в. «*чем быстрее, тем лучше*», с середины XIX в. переходит к оперированию жесткими антиномиями «*либо пан, либо пропал*»: либо Россия, «поднявшись на дыбы», становится равноправным участником всемирно-исторического процесса; либо, медленно превращаясь в некое подобие колониальной Индии, плетется в хвосте оно.

В рамках означенной антиномии интерпретировали петровские реформы представители самых различных общественно-политических сил и направлений гуманитарной мысли. Западник-либерал К. Д. Кавелин, считая Россию конца XVII в. «азиатской монархией в полном смысле слова», осужденную, «остановись мы на этой точке и не иди далее, ... на совершенную неподвижность впрямь до покорения другим народом, или до внутреннего распада вследствие собственной дряхлости», логически выводил необходимость и органичность европеизации из самого хода русской истории. Такими же органичными и необходимыми были и насильственные способы, коими пользовался Петр: «Какой же оно [преобразование — М. С.] могло иметь характер, кроме принудительного?» [17, с. 316; 326; 328—329].

Русская религиозная философия в лице К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева (чуть позже И. А. Ильина)

считала, что Петр спас Россию от судьбы Византии, встряхнув «шоковой терапией» православную веру и — вместе с последней — весь русский народ. «Россия в XVII веке, — писал Вл. Соловьев, — избегла участи Византии: она сознала свою несостоятельность и решила совершенствоваться. Великий момент этого сознания и этого решения воплотился в лице Петра Великого... Без неограниченной власти Петра Великого преобразование нашего отечества и его приобщение к европейской культуре не могло бы совершиться» [52, с. 299—300]. Соловьеву через полвека вторил И. А. Ильин: «Петру Великому пришлось вломиться в это самочувствие и заставить русских людей учиться необходимому. Он понял, что народ, отставший в цивилизации, в технике и знаниях, — будет завоеван и поработан и не отстоит себя и свою правую веру» [16, с. 388].

Апологет и теоретик «монархической государственности» Л. А. Тихомиров в одноименной работе в начале XX в. писал о Петре: «Он понял, что, как монарх, как носитель царского долга, имел обязанность бестрепетно взять на свои плечи тяжкую задачу: привести Россию возможно быстрее к возможно полному обладанию всеми средствами европейской культуры. Это составляло для России вопрос «быть или не быть». Страшно даже подумать, что было бы, если бы мы не сравнялись с Европой до конца XVIII века... Петр был прав и в своих насильственных мерах... и заслужил вечную благодарность Отечеству за то, что употребил весь свой царский авторитет и власть на то, чтобы создать жесточайшую диктатуру и силой двинуть страну вперед, и за слабостью ее средств закабалить всю нацию на службе целям государства. Другого исхода не было для спасения России» [53, с. 105—106].

Профессиональные историки второй половины XIX — начала XX вв. прямо вопрос об альтернативных вариантах развития страны на рубеже XVII—XVIII вв. не ставили, предпочитая оперировать только реальными фактами («известными результатами»). Так, например, Ключевский, внутренним чутьем историка осозная возможность более мягкого варианта модернизации, в конце концов повторял уже озвученный тезис Белинского: «Петр стал преобразователем как-то невзначай, как будто нехотя, поневоле. Война привела его и до конца жизни толкала к реформам... Реформа, как она была исполнена Петром, была его личным делом, делом беспримерно насильственным и, однако, произвольным и необходимым. Внешние опасности государства опережали естественный рост народа, замедлившего в своем развитии» [23, Т. 4, с. 189—190, 191].

Советская историография петровских реформ — в том виде, в котором она сложилась к 80-м гг. XX в. — «слепила» объяснительный шаблон, тиражировавшийся всеми средствами и способами формирования исторического сознания и исторической памяти, который звучал примерно так: «Россия в конце XVII в. на 200—300 лет отставала от Европы, а это было неприемлемо для будущего страны. Поэтому необходимо было во что бы то ни стало провести революционные реформы» (более развернутое описание данного «исторического

мифа» см. у А. П. Богданова [7, с. 15—20]). Этот историографический штамп был еще жив в 1995 г., когда академик И. Д. Ковальченко, рассуждая о новых подходах в постсоветской исторической науке, безапелляционно констатировал: «Если сопоставлять различные параметры развития России и Запада, то вывод будет таков: Россия отставала от Запада к началу петровской эпохи примерно на 200 лет» [25, с. 20].

Таким образом, советская историческая наука вообще не рассматривала вопрос о возможных альтернативах петровской революции, приняв в качестве аксиомы озвученный ранее тезис Белинского о необходимости насильственных методов как единственном средстве спасения России от участи второстепенной страны. Кроме того, сама историческая альтернативистика находилась под запретом ввиду господства марксистского взгляда на историю как на арену действия универсальных непреодолимых законов развития человеческого общества.

Лишь в последние десятилетия историки начали рассуждать об альтернативах петровским преобразованиям на уровне серьезного научного анализа. Связано это с тем, что концепт исторической альтернативности потихоньку начал пробивать себе дорогу в поле научно-исследовательской проблематики. Еще совсем недавно рассуждения на тему «а что было бы, если...» воспринимались ученым историческим сообществом как несерьезные и весьма некорректные с научной точки зрения.

Прорывом в области исследования исторической альтернативности можно считать рубеж 80—90-х гг. прошлого века, когда на страницах научных журналов стали появляться публикации теоретико-методологического плана на соответствующую тематику [24; 30; 48 и др.].

В свете сказанного вполне закономерным можно считать и выход в 2000 г. очередного выпуска альманаха «Одиссей» (объединяющим вокруг себя гуманитариев с нетрадиционными и новаторскими подходами к изучению прошлого), содержание которого практически полностью посвящено теме «История в сослагательном наклонении». Ряд авторов коснулись в своих статьях и вопроса об альтернативных вариантах модернизации России в начале XVIII в. Так, В. Д. Назаров пишет о реальной возможности плавных — по западному типу — преобразований, олицетворяя последние с Софьей и В. В. Голицыным [33]. Еще дальше идет А. В. Оболенский, считая, что европеизация шла полным ходом на протяжении всего XVII в., а у ее истоков стояли Борис Годунов и Лжедмитрий I [41]. Разнятся подходы авторов к оценке роли Петра I: если Назаров считает, что тот лишь ускорил реформационные тенденции, то Оболенский обвиняет реформатора в отказе от подлинной модернизации по европейским образцам в угоду укрепления традиционного для Руси деспотизма.

Начало XXI в. характеризуется новым этапом в исследовании концепта исторической альтернативности: он становится предметом изучения в серьезных историко-философских трудах и темой представительных научных форумов. О признании данного концепта актуальной научной проблемой

свидетельствуют издаваемые монографии и успешно защищаемые диссертационные исследования [9; 13; 21; 39; 56 и др.].

В 2002 г. в Томске прошла Всероссийская конференция по вопросам методологического синтеза в истории, и одним самых перспективных направлений исследований был обозначен анализ альтернативных вариантов развития прошлого. Особый интерес в связи с предметом нашего внимания представляет статья О.Н. Мухина, опубликованная в коллективной монографии по итогам названного форума [32]. Автор, отмечая возросший интерес историков к вопросу об альтернативах петровским преобразованиям, формулирует следующую задачу: «Действительно, на данный момент представляется наиболее важным выяснить, насколько закономерным было проведение этих реформ, и насколько закономерным был формат реформ, предложенный Петром?» И в первом, и во втором случае Мухин дает положительный ответ, подкрепляя свои размышления анализом той атмосферы, в которой шло становления Петра как будущего реформатора, попутно выявляя психологические особенности его личности: «Итак, если попытаться подвести итоги, можно ... отметить, что иной, плавный путь реформ для России XVIII в. был противопоставлен всей внутренней и внешней ситуацией. Но, опираясь на проведенный выше анализ некоторых сторон личности Петра, можно добавить, что он сам не был способен на другой темп преобразований, что было следствием как его психологических особенностей, так и, несомненно, окружавшей его социально-политической и культурной действительности».

Выводы Мухина во многом перекликаются с мнением А. Б. Каменского, который в своей новаторской монографии о реформах XVIII в. специально останавливается на вопросе об альтернативах петровским преобразованиям. Он пишет о серьезном структурном кризисе, который переживало Русское государство в конце XVII в., но параметры этого кризиса очерчивает весьма аморфно и не совсем — как представляется — корректно: «Россия второй половины XVII в. по уровню технико-экономического развития отставала от передовых стран Запада, как принято считать, примерно на 200 лет. И сколь бы ни было в целом успешным в то время экономическое развитие страны, его темпы никак не отвечали новым условиям, а разрыв становился все большим». Дело в том, что сам факт отставания того или иного государства от передовых стран в отдельных областях развития не может служить основанием для определения подобной ситуации как кризиса. И сам Каменский отмечает, «что в период от окончания Смуты и до 80-х годов XVII в. Россия переживала время неуклонного подъема как в политическом, так и экономическом отношении. Таким образом, создается внешне весьма благополучная картина, с которой никак не ассоциируется понятие «кризис»». Историка не устраивают темпы этого «неуклонного подъема»: система управления страной не была приспособлена к быстрым ответам на запросы эпохи, что грозило ей страшными последствиями — Россия превратилась бы в колонию Запада, попала бы в кабалу к иностранцам, стала бы «заповедником

мертвого традиционализма» и т.п. Именно во избежание оных ужасов необходимы были радикальные реформы, к которым оказались способны только Петр со своими «птенцами»: «Бессмысленно спорить, нужны или не нужны были России реформы Петра: они содержали то единственное лекарство, которое только и могло ее спасти» [18, с. 80—91].

Монографию Каменского можно считать первым опытом научно-исторического анализа вопроса об альтернативах петровской революции. Автор не только дает краткий историографический обзор рассматриваемой проблемы, но пытается серьезными аргументами доказать тезис о необходимости именно радикальных преобразований, приводя в качестве контрпримера историческую судьбу Османской империи. В отдельной главе реконструируется возможная — отнюдь не радужная для России — альтернатива в случае, если бы петровская реформа не была осуществлена [18, с. 148—154]. Вывод уважаемого историка категоричен в духе Белинского: «системный кризис не может быть разрешен путем умеренных реформ, даже если они носят модернизационный характер» [18, с. 153].

Подробный разбор аргументов Каменского в пользу безальтернативности радикального формата петровских преобразований не входит в задачу автора. Хочется, единственно, указать на один интересный момент: бесспорная научная новизна и оригинальность монографии заключается в попытке взглянуть на XVIII век как на единый целостный реформационный период, когда российская правящая элита — несмотря на все перипетии «столетия безумного и мудрого» — смогла доказать возможность для России поступательного (читай: эволюционного) политического развития (это итоговый вывод Каменского [18, с. 526]). Возникает вопрос: если Россия в более сложных внутри- и внешнеполитических условиях XVIII в. могла модернизироваться эволюционно, то насколько корректно отказывать ей в возможности такого же поступательного движения на рубеже XVII—XVIII вв.?

В 2007 г. журнал «Родина» один из своих номеров целиком посвятил петровской эпохе, и ряд авторов не преминул высказаться по поводу обсуждаемой здесь проблемы. Так, например, кандидат экономических наук В. Бондарев, в целом поддерживая мысль Каменского о необходимости именно радикального формата реформ, выдвигает в пользу этого аргумент, основанный на особенностях всего предшествующего опыта российского реформаторства: «Если считать, что Россия была готова к переменам и, мол, Алексей Михайлович де-факто, уже не спеша успешно модернизировал страну, то тогда весь радикализм Петра получается чрезмерным, бессмысленным и беспощадным, как русский бунт... Наш исторический опыт доказывает, что все нормально-умеренные реформы в конечном итоге захлебываются и к принципиальным позитивным переменам не ведут. Когда же идет радикальный слом существующего, с тяжелыми последствиями и потерями, тогда происходят грандиозные перемены» [8, с. 26].

В том же ключе, но в весьма своеобразной манере рассуждает о невозможности эволюционной

альтернативы петровским реформам Л. Аннинский: «Поворот в Европу? А он и при Тишайшем все равно совершился бы, и съели бы мы западный продукт не в голландской, а в польской упаковке. Только без кнутобойных указов... Тогда что спорить о курсе? Повернул и повернул, и именно туда, куда по геополитической логике следовало: на Запад. Но стиль поворота! Но человеческий окрас державных деяний!» И далее известный публицист поясняет, что в условиях неудачно для России начавшейся Северной войны, когда «геополитическая развилка диктовала: или выйдем к морям, или погибнем», единственным способом решения задачи могла стать вера в мираж, сопровождаемая буффонадой, потехой, полным разрывом с традиционными устоями жизни: «Мираж становится реальностью, когда альтернатива — гибель... Потому и пришлось лезть на стену, штурмовать небо, взлетать в запретельность... Чтобы решиться на этот прыжок, совершенно нереальный по изначальному соотношению сил, и включается в людях такой запретельный ресурс, как вера в мираж. Начать потеху» [2].

В противовес вышеназванным авторам не столь категоричен в вопросе о возможной альтернативе «петровской революции» известный специалист по истории России XVIII в. Е. Анисимов. Он признается, что «в последние годы в кругу историков XVIII века в объяснении этого «проклятого вопроса» на первый план вышла теория кризисов и новаций. Каюсь, я сам отдал ей дань. Уж очень было соблазнительно и гладко получалось. Если мы скажем, что предпетровская эпоха — время глубокого структурного кризиса, — все встает на свои места, ложится, как фишки домино к петровской «рыбе». А затем задается обескураживающим для сторонников этой самой «теории кризисов и новаций» вопросом: «Но попробуем думать в ином ключе. Был ли вообще структурный кризис? Не следуем ли мы в объяснении причин реформ за Петром, не мыслим ли мы в парадигме, заданной его пропагандой, изображавшей допетровское прошлое исключительно в темных тонах». Далее Анисимов отмечает, что к концу XVII в. в России сложилась довольно гибкая и сбалансированная система взаимодействия властных институтов; система отнюдь не косная и способная к восприятию «новизны». И ей вполне по силам было провести модернизацию страны мягким, эволюционным путем. Но целый ряд факторов и событий 80—90-х гг. XVII в. «привели к рождению монстра деспотии в европейских одеждах»: своеобразие детства Петра; немощь правящей верхушки, оказавшейся неспособной выдвинуть сильного, неангажированного и самостоятельного лидера; отсутствие устойчивых правовых норм в самой системе принятия решений. И все это накрыла Северная война (вернее, неудачное ее начало) [1]. По сути дела, петербургский историк отказывается признавать закономерный характер «петровской революции» — что, как мы видели, идет вразрез с общепризнанной точкой зрения, — и усматривает главную причину произошедшего в первой четверти XVIII в. в случайном переплетении определенных событий и обстоятельств.

Таким образом, Анисимов поставил на повестку сегодняшнего дня очень простой и, поэтому,

гениальный вопрос: «А был ли кризис накануне петровских преобразований?» Если развернуть его объемно, то веером возникают более конкретные сюжеты: «насколько глубокими, последовательными и успешными были преобразования первых Романовых?», «насколько широк был круг тех лиц («государственных мужей» по Ключевскому), которые готовы были осознанно поддержать и практически осуществлять этот модернизационный порыв?», «в каких конкретно областях и насколько серьезно Россия отставала от европейских стран?» и т. п. Именно в этой плоскости, как представляется, и следует вести дальнейшие исследования проблемы альтернатив петровским революционным преобразованиям.

В качестве примеров, показывающих научный потенциал указанного подхода, можно привести ряд серьезных работ последних лет, в которых допетровская эпоха предстает отнюдь не косной и малоподвижной в плане восприимчивости новых веяний, а как захватывающий период поиска и апробации различных вариантов адаптации России к основным трендам общеевропейского развития. Так, известный специалист по русской истории А. П. Богданов посвятил несколько книг непосредственным предшественникам Петра — Федору Алексеевичу и Софье [5—7]. «Нуждалась ли наша страна и ее люди в насильственной перековке, перелицовке по чуждым им образцам?» — такой вопрос автор предпосылает в начале каждого из исследований. Ответ, основанный на многолетних архивных изысканиях, звучит отнюдь не в духе того историографического штампа, утверждавшего о безнадежном двухсотлетнем отставании России накануне петровских реформ.

Федору Алексеевичу посвящена и работа Д. М. Володихина, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей». Подробно рассматривая жизнь и деяния царственного отрока, автор оставляет на суд читателя ответ на вопрос: «Но, как знать, не предложило бы долгое царствование Федора Алексеевича иного варианта европеизации — более мягкого, более щадящего, избавляющего нашу страну от культурного раскола между «верхами» и «низами»?» [11, с. 10].

Европеизации допетровской России на протяжении двух с половиной веков посвящено объемное исследование Т. В. Черниковой [55]. Определяя разницу между европеизацией как внешним заимствованием западного опыта и модернизацией как органическим внутренним преобразованием, автор настаивает на тезисе о том, что российская политическая система с ее «вотчинным укладом», начиная с половины XV в. была нацелена исключительно на европеизацию. Это поверхностное, суррогатное заимствование вплоть до конца XVII в. определяло характер отношения России к Европе, но оно же готовило почву для зарождения качественной новой, органичной модернизации. Петр Великий своей «самодержавной революцией» в духе вотчинного государства настолько ускорил этот процесс, что спровоцировал продолжающийся до сих пор социокультурный раскол. Отдельные положения книги Черниковой не всегда беспорны и требуют более

внимательного осмысления и трезвого анализа, однако сама постановка вопроса об особенностях российской практики восприятия иноземных новшеств не только уместна, но и необходима в рамках комплексного исследования проблемы альтернативных вариантов развития России в конце XVII в.

В работе Черниковой затронут еще один интересный сюжет, дальнейшее изучение которого позволит составить более полную и всестороннюю картину о состоянии допетровской Руси. Речь идет об иноземцах, которые длительное время проживали в России и — как агенты европейского влияния — способствовали вызреванию в ее недрах модернизационных процессов. В качестве примера исследований подобного плана можно отметить монографию С. П. Орленко [43], где затрагиваются самые разнообразные аспекты жизнедеятельности выходцев из Западной Европы: их правовой статус и реальное положение, особенности взаимоотношений с различными слоями и институтами русского общества.

К работам неординарным, узкоспециализированным, но от этого не менее интересным и важным для понимания характера модернизационных процессов в допетровскую эпоху можно отнести исследование известного специалиста по византийско-греческой филологии и русско-греческим связям Б. Л. Фонкича о становлении среднего образования в России XVII в. [54]. На основе редких документов автор показывает напряженную идеологическую борьбу между сторонниками греко-православной и западной («латинской») системами обучения.

Отдельно необходимо остановиться на работах екатеринбургского историка С. А. Нефедова. Привлекая методы и теоретические построения социологии, моделирования демографических процессов и ряда других неисторических дисциплин, автор выстраивает многофакторную модель российского (и не только) исторического процесса [36—38 и др.]. Модель эта сама по себе заслуживает отдельного разговора. Мы же вкратце остановимся только на сюжете, посвященном реформам середины — второй половины XVII в. Прежде всего, Нефедов показывает, что первые Романовы и представители правящей элиты (Б. Морозов, И. Милославский, А. Ордин-Нащокин и др.) внимательно следили и были в курсе большинства европейских процессов в военной, финансовой, экономической сферах. И не только следили, но и пытались апробировать их на российской почве (экономические реформы Кольбера по голландскому образцу, военные реформы (названные «военной революцией») по шведскому образцу). Таким образом, затертый до дыр тезис о двухсотлетнем отставании России от Запада повисает в воздухе. Более того, замечает далее историк, часть русской знати и купечества «заражались» западной культурой и европейским образом жизни: учили иностранные языки, украшали свои дома картинами и даже начинали брить бороды. Конечно, не все было гладко, и новации натывались на стену традиционализма, но «главной заслугой реформаторов было понимание той угрозы, перед которой стоит страна, и того, что ответить на силу Запада можно только с помощью Запада. В сущности, это было понимание необходимости реформирования по

западному образцу — и это было чрезвычайно важно: в большинстве стран Востока не понимали этой необходимости, и в конечном счете эти страны стали колониями европейских держав» [37, Т. II, с. 47].

Мы упомянули далеко не все сюжеты, способные поколебать пока еще общераспространенное представление о необходимости именно радикальных, насильственных реформ первой четверти XVIII в. Так, например, отдельного рассмотрения требует вопрос о действии случайных и личностных факторов в петровских преобразованиях. Но вывод из сделанного историографического обзора очевиден: современная историческая наука в вопросе о возможности эволюционной альтернативы развития России на рубеже XVII—XVIII вв. постепенно поворачивается в сторону положительного ответа на него. Как бы мы не относились к Петровской революции в том виде, в котором она свершилась (как и к любому другому свершившемуся периоду истории), мы не должны забывать о возможностях несбывшихся. Ведь наше настоящее и будущее сплошь и рядом соткано из таких вот потенциально возможных вариантов развития, и какой из них будет реализован — зависит, в том числе, от того опыта, который мы черпаем в прошлом.

Литература и источники

1. Анисимов, Е. В. Почему Петр? Была ли альтернатива для России? / Е. В. Анисимов // Родина. — 2007. — № 11. — С. 1—6.
2. Аннинский, Л. А. Порох потехи / Л. А. Аннинский // Родина. — 2007. — № 11. — С. 19—20.
3. Баткин, Л. М. Спор о Данте и социологии культуры / Л. М. Баткин // Средние века : сб. — Вып. 34. — М. : Наука, 1971. — С. 277—292.
4. Белинский, В. Г. Рецензия на «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» И. Голикова / В. Г. Белинский // Петр Великий: pro et contra : сб. — СПб. : РХГИ, 2003. — С. 177—212.
5. Богданов, А. П. В тени Великого Петра / А. П. Богданов. — М. : Армада, 1998. — 330 с.
6. Богданов, А. П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич / А. П. Богданов. — М. : Вече, 2009. — 320 с.
7. Богданов, А. П. Царевна Софья и Петр. Драма Софии / А. П. Богданов. — М. : Вече, 2008. — 352 с.
8. Бондарев, В. Революционер на троне / В. Бондарев // Родина. — 2007. — № 11. — С. 25—26.
9. Бочаров, А. В. Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты : дис. ... канд. ист. наук / А. В. Бочаров. — Томск, 2002. — 228 с.
10. Буровский, А. М. Петр Первый — проклятый император / А. М. Буровский. — М. : Яуза : Эксмо, 2008. — 352 с.
11. Володихин, Д. М. Царь Федор Алексеевич, или Бедный отрок / Д. М. Володихин. — М. : Молодая гвардия, 2013. — 267 с.
12. Грот, Я. К. Петр Великий как просветитель России / Я. К. Грот // Петр Великий: pro et contra : сб. — СПб. : РХГИ, 2003. — С. 272—315.
13. Данилов А. Г. Альтернативы в истории России: мифы или реальность (XIV—XIX вв.) / А. Г. Данилов. — Ростов н/Д : Феникс, 2007. — 317 с.
14. Дашкова Е. Р. Записки княгини Дашковой / Е. Р. Дашкова // Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки княгини Е. Р. Дашковой. Репр. воспр. — М. : Наука, 1990. — С. 5—292.

15. Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения / Екатерина II, имп. // О величии России ; сост. И. Я. Лосиевский. — М. : Эксмо, 2003. — С. 72—156.
16. Ильин, И. А. Опасности и задания русского национализма / И. А. Ильин // Наши задачи : статьи 1948—1956 гг. : в 2 т. — Т. 1. — М. : Айрис-пресс, 2008. — С. 385—393.
17. Кавелин, К. Д. Мысли и заметки о русской истории / К. Д. Кавелин // Петр Великий: pro et contra : сб. — СПб. : РХГИ, 2003. — С. 316—337.
18. Каменский, А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа) / А. Б. Каменский. — М. : РГГУ, 2001. — 575 с.
19. Карамзин, Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин. — М. : Наука, 1991. — 125 с.
20. Кара-Мурза, А. А. Формула Петра Великого / А. А. Кара-Мурза // Петр Великий: pro et contra : сб. — СПб. : РХГИ, 2003. — С. 853—870.
21. Карацуба, И. В. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России от Рюрикovichей до олигархов / И. В. Карацуба, И. В. Курукин, Н. П. Соколов. — М. : Колibri, 2006. — 638 с.
22. Ключевский, В. О. Афоризмы и мысли об истории / В. О. Ключевский // Афоризмы и мысли об истории: Афоризмы. Исторические портреты и очерки. Дневники. — М. : Эксмо, 2007. — С. 7—108.
23. Ключевский, В. О. Курс русской истории // В. О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. — М. : Мысль, 1988. — Т. 3. — 414 с.; М. : Мысль, 1989. — Т. 4. — 398 с.
24. Ковальченко, И. Д. Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии / И. Д. Ковальченко // История СССР. — 1986. — № 4. — С. 83—104.
25. Ковальченко, И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: заметки и размышления о новых подходах / И. Д. Ковальченко // Новая и новейшая история. — 1995. — № 1. — С. 3—33.
26. Костомаров, Н. И. Петр Великий / Н. И. Костомаров // Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. — М. : Эксмо, 2004. — С. 618—767.
27. Мартыненко, А. А. Зверь на престоле, или правда о царстве Петра Великого / А. А. Мартыненко. — М. : БСК, 2009. — 448 с.
28. Мезин, С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I / С. А. Мезин. — 2-е изд., испр. и доп. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003. — 232 с.
29. Миллер, Г. Ф. История жизни и царствования Феодора Алексеевича // Г. Ф. Миллер. Сочинения по истории России. Избранное. — М. : Наука, 1996. — С. 320—354.
30. Могильницкий, Б. Г. Историческая альтернативность: методологический аспект / Б. Г. Могильницкий // Новая и новейшая история. — 1990. — № 3. — С. 3—18.
31. Монтестье, Ш. Л. О Духе законов / Ш. Л. Монтестье ; пер. с фр. — М. : Мысль, 1999. — 672 с.
32. Мухин, О. Н. Петр I: личность и эпоха в поисках идентичности О. Н. Мухин // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы : сб. ; под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. — С. 96—115.
33. Назаров, В. Д. Сослагательность сослагательности разнь / В. Д. Назаров // Одиссей. Человек в истории. 2000: история в сослагательном наклонении? : сб. ; гл. ред. А. Я. Гуревич. — М. : Наука, 2000. — С. 42—44.
34. Нартов, А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого / А. К. Нартов // Россию поднял на дыбы... : в 2 т. ; сост. Н. И. Павленко. — Т. 2. — М. : Молодая гвардия, 1987. — С. 525—625.
35. Нарышкин: школьники не будут учиться по одному учебнику истории. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1073445&cid=2161> (дата просмотра 11.12.13).
36. Нефедов, С. А. Демографическо-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века / С. А. Нефедов. — Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2005. — 543 с.
37. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ : в 2 т. / С. А. Нефедов. — М. : ИД «Территория будущего».
38. Нефедов С. А. Первые шаги российской модернизации: реформы середины XVII века / С. А. Нефедов. // Вопросы истории. — 2004. — № 4. — С. 33—52.
39. Нехамкин, В. А. Альтернативы прошлого в философии истории: теоретико-методологический анализ : дис. ...докт. филос. наук / В. А. Нехамкин. — М., 2008. — 298 с.
40. Никитенко, А. В. Похвальное слово Петру Великому, императору и самодержцу Всероссийскому, Отцу Отечества / А. В. Никитенко // Петр Великий: pro et contra: сборник. — СПб.: РХГИ, 2003. — С. 153—165.
41. Оболонский А. В. Исторические перекрестки как объект альтернативной истории / А. В. Оболонский // Одиссей. Человек в истории. 2000: история в сослагательном наклонении? : сб. ; гл. ред. А. Я. Гуревич. — М. : Наука, 2000. — С. 27—32.
42. Омельченко, О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй: просвещенный абсолютизм в России / О. А. Омельченко. — М. : Юрист, 1993. — 428 с.
43. Орленко, С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение) / С. П. Орленко. — М. : Древлехранилище, 2004. — 344 с.
44. Панченко, А. М. Петр I и веротерпимость / А. М. Панченко // Русская история и культура : работы разных лет. — СПб. : Юна, 1999. — С. 437—447.
45. Петр Великий: pro et contra : сб. — СПб. : РХГИ, 2003. — 1024 с.
46. Погодин М. П. Петр Первый и национальное органическое развитие / М. П. Погодин // Петр Великий: pro et contra : сб. — СПб. : РХГИ, 2003. — С. 248—272.
47. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. : в 45 т. / сост.: М. М. Сперанский. — Т. 7: 1723—1727 гг. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — 925 с.
48. Померанц, Г. С. История в сослагательном наклонении / Г. С. Померанц // Вопросы философии. — 1990. — № 11. — С. 55—66.
49. Рибопьер, А. И. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера / А. И. Рибопьер // Русский архив. — Кн. 1. — Вып. 4. — 1877. — С. 460—506.
50. Руссо, Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Ж.-Ж. Руссо. Трактаты / пер. с фр. — М. : Наука, 1969. — С. 151—256.
51. Середина, Н. В. «СВОИ» — «ЧУЖИЕ» — «ДРУГИЕ» в контексте Записок У. Кокса и их судьбы в России / Н. В. Середина // Диалог со временем. — Вып. 39. — 2012. — С. 325—333.
52. Соловьев, В. С. Византизм и Россия // В. С. Соловьев. Собрание сочинений : в 10 т. — 2-е изд. / под ред. С. М. Соловьева, Э. Л. Радлова. — Т. 7. — СПб. : Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1914. — С. 285—325.
53. Тихомиров, Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. — Ч. 3. — М. : Университетская типография, 1905. — 252 с.
54. Фонкич, Б. Л. Греко-славянские школы в Москве XVII в. / Б. Л. Фонкич — М. : Языки славянской культуры, 2009. — 296 с.
55. Черникова, Т. В. Европеизация России во второй половине XV — XVII веках / Т. В. Черникова. — М. : МГИМО-Университет, 2012. — 944 с.

56. Шевелев, В. Н. Все могло быть иначе: альтернативы в истории России / В. Н. Шевелев. — Ростов н/Д : Феникс, 2009. — 349 с.

57. Щербатов, М. М. Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого / М. М. Щербатов // Петр Великий: pro et contra : сб. — СПб. : РХГИ, 2003. — С. 105—129.

58. Юль, Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711) / Ю. Юль ; пер. с дат. Ю. Н. Щербачева. — М. : Университетская типография, 1899. — 599 с.

References

1. Anisimov E.V. Pochemu Petr? Byla li al'ternativa dlya Rossii? [Why Peter? Whether there was an alternative of Russia?]. *Rodina — Motherland*, 2007, no. 11, pp. 1-6.

2. Anninskij L.A. Poroh potehi [Fun gunpowder]. *Rodina — Motherland*, 2007, no. 11, pp. 19-20.

3. Batkin L.M. Spor o Dante i sociologii kul'tury [Dispute about Dante and the sociology of culture]. *Srednie veka: sbornik* [Middle Ages: the collection]. Moscow, Nauka Publ., 1971, vol. 34, pp. 277-292.

4. Belinskij V.G. Recenziya na «Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazovatelya Rossii» I. Golikova [The review on «Peter the Great's Act, the wise converter of Russia» by I. Golikov]. [45, 177-212].

5. Bogdanov A.P. V teni Velikogo Petra [In the shadow of the great Peter]. Moscow, ARMADA Publ., 1998. 330 p.

6. Bogdanov A.P. Nesostoyavshijsya Imperator Fedor Alekseevich [Not taken place Emperor Feodor Alekseevich]. Moscow, Veche Publ., 2009. 320 p.

7. Bogdanov A.P. Carevna Sof'ya i Petr. Drama Sofii [Princess Sofia and Peter. A drama of Sofia]. Moscow, Veche Publ., 2008. 352 p.

8. Bondarev V. Revolyucioner na trone [The revolutionary on a throne]. *Rodina — Motherland*, 2007, no. 11, pp. 25-26.

9. Bocharov A.V. Problema al'ternativnosti istoricheskogo razvitiya: istoriograficheskie i metodologicheskie aspekty. Dis. kand. ist. nauk [Problem of alternativeness of historical development: historiographic and methodological aspects. Cand. of Hist. Sci. diss.]. Tomsk, 2002. 228 p.

10. Burovskij A.M. Petr Pervyj — proklyatyj imperator [Peter the First — damned Emperor]. Moscow, Yauza, Eksmo Publ., 2008. 352 p.

11. Volodihin D.M. Car' Fedor Alekseevich, ili Bednyj otrok [Tsar Feodor Alekseevich, or the Poor adolescent]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2013. 267 p.

12. Grot Ya.K. Petr Velikij kak prosvetitel' Rossii [Peter the Great as the educator of Russia]. [45, 272-315].

13. Danilov A.G. Al'ternativy v istorii Rossii: mify ili real'nost' (XIV-XIX vv.) [Alternatives in the history of Russia: myths or a reality (XIV-XIX centuries)]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2007. 317 p.

14. Dashkova E.R. Zapiski knyagini Dashkovej [Notes of princess Dashkova]. *Rossiya XVIII stoletiya v izdaniyah Vol'noj russkoj tipografii A.I. Gercena i N.P. Ogareva. Repr. vospr.* [Russia of the XVIII century in the editions of the Free Russian printing house of A.I. Herzen and N.P. Ogarev. Notes of princess Dashkova. Reprint reproduction]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 5-292.

15. Ekaterina II, empress. Nakaz Komissii o sostavlenii proekta novogo Ulozheniya [Mandate of the Commission on the drafting of a new code]. *O velichii Rossii* [Ekaterina II, empress. About the greatness of Russia: the collection]. Moscow, Eksmo Publ., 2003, pp. 72-156.

16. Il'in I.A. Opasnosti i zadaniya russkogo nacionalizma [Danger and tasks of Russian nationalism]. *Nashi zadachi: Stat'i 1948-1956 gg.* [Il'in I.A. Our tasks: articles 1948-1956's, In 2 vol.]. Moscow, Ajris-press Publ., 2008, vol. 1, pp. 385-393.

17. Kavelin K.D. Mysli i zametki o russkoj istorii [Thoughts and notes on Russian history]. [45, 316-337].

18. Kamenskij A.B. Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt celostnogo analiza) [From Peter I to Paul I: reforms in Russia of the XVIII century (the experience of holistic analysis)]. Moscow, RSUH Publ., 2001. 575 p.

19. Karamzin N.M. Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyah [A note about the ancient and new Russia in its political and common-law relationship]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 125 p.

20. Kara-Murza A.A. Formula Petra Velikogo [Formula Of Peter The Great]. [45, 853-870].

21. Karatsuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.P. Vybiraya svoju istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii ot Ryurikovichej do oligarhov [Choosing your story. «Forks in the road» on the way of Russia from the Rurik dynasty to the oligarchs]. Moscow, KoLibri Publ., 2006. 638 p.

22. Klyuchevskij V.O. Aforizmy i mysli ob istorii [Aphorisms and thoughts about the history]. *Aforizmy i mysli ob istorii: Aforizmy. Istoricheskie portrety i ocherki. Dnevnik* [Klyuchevskij V.O. Aphorisms and thoughts about the history: Aphorisms. Historical portraits and sketches. Diaries]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. pp. 7-108.

23. Klyuchevskij V.O. Kurs russkoj istorii [A course in Russian history]. *Sochineniya: V 9-i tt.* [Klyuchevskij V.O. Works in 9 vol. Under the ed. V.L. Yanin]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, vol. 3. 414 p., Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 4. 398 p.

24. Koval'chenko I.D. Vozmozhnoe i dejstvitel'noe i problemy al'ternativnosti v istoricheskom razvitiu [Potential and actual and problems of the alternatives in the historical development]. *Istoriya SSSR — History of USSR*, 1986, no. 4, pp. 83-104.

25. Koval'chenko I.D. Teoretiko-metodologicheskie problemy istoricheskikh issledovanij: zametki i razmyshleniya o novyh podhodah [Theoretical and methodological problems of historical research: the notes and thoughts about new approaches]. *Novaya i novejschaya istoriya — New and the newest history*, 1995, no. 1, pp. 3-33.

26. Kostomarov N.I. Petr Velikij [Peter The Great]. *Russkaya istoriya v zhizneopisanii ee glavnejshih deyatelej* [Kostomarov N.I. Russian history in the biography of its main figures]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. pp. 618-767.

27. Martynenko A.A. Zver' na prestole, ili pravda o carstve Petra Velikogo [Beast on the throne, or the truth about the Kingdom of Peter the Great]. Moscow, BSK Publ., 2009. 448 p.

28. Mezin S.A. Vzglyad iz Evropy: francuzskie avtory XVIII veka o Petre I [A view from Europe: the French authors of the XVIII century about Peter I]. Saratov, SSU Publ., 2003. 232 p.

29. Miller G.F. Istoriya zhizni i carstvovaniya Feodora Alekseevicha [The story of the life and reign of Feodor Alekseevich]. *Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe* [Gerard Fridrih Miller. Essays on the history of Russia. Favorites]. Moscow, Nauka Publ., 1996. pp. 320-354.

30. Mogil'nickij B.G. Istoricheskaya al'ternativnost': metodologicheskij aspekt [The historic alternative: methodological aspect]. *Novaya i novejschaya istoriya — New and the newest history*, 1990, no. 3, pp. 3-18.

31. Montes'k'ye Sh.L. O Duhe zakonov [Charles-Louis de Montesquieu. The Spirit of the Laws]. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 672 p.

32. Muhin O.N. Petr I: lichnost' i `epoha v poiskah identichnosti [Peter I: personality and time in the search for identity]. *Metodologicheskij sintez: proshloe, nastoyashee, vozmozhnye perspektivy: sbornik* [Mogil'nickij B.G., Nikolaeva I.Yu., eds. Methodological synthesis: past, present and possible prospects: collection]. Tomsk, TSU Publ., 2002. pp. 96-115.

33. Nazarov V.D. Soslagatel'nost' soslagatel'nosti rozn' [Subjunctives differ]. *Odisej. Chelovek v istorii. 2000: Istoriya v soslagatel'nom naklonenii?: sbornik* [Gurevich A. Ya. ed., Odysseus. Man in history. 2000: History in the subjunctive orbital?: collection]. Moscow, Nauka Publ., 2000. pp. 42-44.
34. Nartov A.K. Dostopamyatnye povestvovaniya i rechi Petra Velikogo [The memorable narrative and the speeches of Peter the Great]. *Rossiyu podnyal na dyby...: V 2-h tt.* [Russia raised up...: collection, In 2 vol.]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1987, vol. 2, pp. 525-625.
35. Naryshkin: shkol'niki ne budut uchit'sya po odnomu uchebniku istorii [Naryshkin: the students will not learn to one history textbook]. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1073445&cid=2161> (accessed 11 December 2013).
36. Nefyodov S.A. *Demograficheski-strukturnyj analiz social'no-ekonomicheskoy istorii Rossii. Konec XV — nachalo XX veka* [Demographically-structural analysis of the socio-economic history of Russia. The end of the XV — the beginning of XX century]. Ekaterinburg, UrSMU Publ., 2005. 543 p.
37. Nefyodov S.A. *Istoriya Rossii. Faktornyj analiz. V 2-h tt.* [History Of Russia. Factor analysis. In 2 vol.]. Moscow, Publishing house «Territory of the future», 2010, vol. I. 376 p.; 2011, vol. II. 688 p.
38. Nefyodov S.A. Pervye shagi rossijskoj modernizacii: reformy serediny XVII veka [The first steps of Russian modernization: reform of the middle of XVII century]. *Voprosy istorii — Questions of history*, 2004, no. 4, pp. 33-52.
39. Nehamkin V.A. *Al'ternativy proshlogo v filosofii istorii: teoretiko-metodologicheskij analiz: Diss. Dok. Phil. nauk* [Alternatives of the past in the philosophy of history: the theoretical-methodological analysis. DPh. diss.]. Moscow, 2008. 298 p.
40. Nikitenko A.V. Pohval'noe slovo Petru Velikomu, imperatoru i samodержtzu Vserossijskomu, Otsu Otechestva [A commendable word to Peter the Great, Emperor and autocrat all-Russia, the Father of the Fatherland]. [45, 153-165].
41. Obolonskij A.V. Istoricheskie perekrestki kak ob'ekt al'ternativnoj istorii [Historical crossroads as the object of alternative history]. [Gurevich A. Ya. ed., Odysseus. Man in history. 2000: History in the subjunctive orbital?: collection]. Moscow, Nauka Publ., 2000. pp. 27-32.
42. Omel'chenko O.A. *«Zakonnaya monarhiya» Ekateriny Vtoroj: Prosveschennyj absolyutizm v Rossii* [«Legal monarchy» of Catherine the Great: Enlightened absolutism in Russia]. Moscow, «Yurist» Publ., 1993. 428 p.
43. Orlenko S.P. Vyhodcy iz Zapadnoj Evropy v Rossii XVII veka (pravovoj status i real'noe polozhenie) [People from Western Europe to Russia of the XVII century (legal status and actual position)]. Moscow, Drevlehranilische Publ., 2004. 344 p.
44. Panchenko A.M. Petr I i veroterpimost' [Peter I and tolerance]. *Russkaya istoriya i kul'tura: Raboty raznyh let* [Panchenko A.M. Russian history and culture: Works of different years]. Saint-Petersburg, Yuna Publ., 1999. pp. 437-447.
45. *Petr Velikij: pro et contra: sbornik* [Peter the Great: pro et contra: collection]. Saint-Petersburg, RChHI Publ., 2003. 1024 p.
46. Pogodin M.P. Petr Pervyj i nacional'noe organicheskoe razvitie [Peter the First and the national organic development]. [45, 248-272].
47. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 g.: V 45-i tt. / Sost.: M.M. Speranskij* [The complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. In 45 vol. Compiled By M.M. Speranskii]. Saint-Petersburg, Printing house II Department of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830, vol. 7. 925 p.
48. Pomerants G.S. Istoriya v soslagatel'nom naklonenii [History in the subjunctive orbital]. *Voprosy filosofii — Questions of philosophy*, 1990, no. 11, pp. 55-66.
49. Ribopier A.I. Zapiski grafa Aleksandra Ivanovicha Ribopiera [Notes of Count A.I. Ribopier]. *Russkij arhiv — Russian archive*, 1877, vol. 1, no. 4, pp. 460-506.
50. Russo Zh.-Zh. Ob Obschestvennom dogovore, ili Principy politicheskogo prava [Of The Social Contract, Or Principles of Political Right]. [Jean-Jacques Rousseau. Treatises]. Moscow, Nauka Publ., 1969. pp. 151-256.
51. Sereda N.V. «SVOI» — «CHUZHI» — «DRUGIE» v kontekste Zapisok U. Koksa i ih sud'by v Rossii [“OWN” — “ALIEN” — “OTHER” in the context of the Notes of U. Cox and their fate in Russia]. *Dialog so vremenem — Dialogue with time*, 2012, vol. 39. pp. 325-333.
52. Solov'ev V.S. Vizantizm i Rossiya [Byzantism and Russia]. *Sobranie sochinenij: V 10-i tt. 2-e izd.* [Solov'ev V.S. Collected works. In 10 vol., 2nd ed.]. Saint-Petersburg, Book Publishing Association “Education”, 1914, vol. 7. pp. 285-325.
53. Tihomirov L.A. *Monarhicheskaya gosudarstvennost'* [Monarchic statehood]. Moscow, University printing House, 1905, vol. 3. 252 p.
54. Fonkich B.L. *Greko-slavyanskije shkoly v Moskve XVII v.* [Greek-Slavic schools in Moscow XVII]. Moscow, “Languages of Slavic culture” Publ., 2009. 296 p.
55. Chernikova T.V. *Evropeizaciya Rossii vo vtoroj polovine XV — XVII vekah* [Europeanization of Russia in the second half of the XV — XVII centuries]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2012. 944 p.
56. Shevelev V.N. *Vse moglo byt' inache: al'ternativy v istorii Rossii* [Everything could be different: alternatives in the history of Russia]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2009. 349 p.
57. Shterbatov M.M. Rassmotrenie o porokah i samovlastii Petra Velikogo [Consideration about the vices and autocracy of Peter the Great]. [45, 105-129].
58. Yul' Yu. *Zapiski Yusta Yulya, datskogo poslannika pri Petre Velikom (1709—1711)* [Notes of Yust Yull, Danish ambassador at Peter the Great (1709—1711)]. Moscow, University printing House, 1899. 599 p.

Поступила в редакцию 4 февраля 2014 г.

САПРОНОВ Максим Викторович, доцент, кафедра истории России, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия), кандидат исторических наук. Окончил Челябинский государственный университет (1986). Область научных интересов — теория и методология истории, история допетровской России. E-mail: sapronovmv@mail.ru

SAPRONOV Maxim Viktorovich, Associate Professor of Department “History of Russia”, Candidate of Historical Sciences, South Ural State University (Chelyabinsk). Research interests: theory and methodology of history, Russian history under XVIII. E-mail: sapronovmv@mail.ru